

МАКАРТУР ВСПОМИНАЕТ...

(ИЗ ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ЯПОНИИ)

Б. Г. Сапожников, В. Б. Воронцов

2 сентября 1945 г. на борту линкора «Миссури», бросившего якорь в токийской бухте, был подписан последний документ войны: командование союзных войск на Дальнем Востоке приняло капитуляцию милитаристской Японии. Через несколько дней, 7 сентября, президент США Трумэн, получив об этом информацию из штаба генерала Д. Макартира¹, торжественно объявил о передаче документов о капитуляции на выставку в Национальный архив в Вашингтоне. Эти документы должны напоминать о триумфе США, говорил Трумэн, а также содействовать тому, чтобы «эта победа стала монументом, достойным тех, кто отдал свои жизни ради нее»².

Казалось, в США должным образом были оценены усилия участников антигитлеровской коалиции — СССР, США, Великобритании, всех народов, боровшихся за спасение человечества от ненавистного ига фашизма. Однако в действительности все выглядело иначе. Документы о капитуляции Японии вызывали у посетителей Национального архива различные чувства: у одних — чувство исполненного национального долга, у других, находившихся во власти эгоизма процветающей американской буржуазии, — удовлетворенное тщеславие, у третьих — а они принадлежали к наиболее реакционной части американского общества — безмерное сожаление по поводу крушения такого оплота антикоммунизма в Азии, каким была милитаристская Япония. Генерал Макартир как будто выражал надежды и мысли первых, вторых и третьих, но главное, что больше всего беспокоило честолюбивого генерала, состояло в другом: какую роль, будь она тайной или явной, придется ему сыграть в истории послевоенной Японии? Тщеславие Макартира поощрялось видными государственными деятелями США. Министр обороны Стим-

¹ Генерал Д. Макартир (1880—1964 гг.) в молодости (до первой мировой войны) служил младшим офицером на Филиппинах. Капиталовложения отца в экономику этой колонии сыграли большую роль в определении дальнейшей судьбы сына. Во время учебы в академии, а затем на посту начальника штаба американской армии Макартир сумел обзавестись многочисленными друзьями из среды монополистических кругов США. Зверской расправой над безработными — ветеранами первой мировой войны — он заслужил доверие наиболее реакционной части американского общества, снискал уважение и известность среди богатейших семей Америки как человек решительный, способный верой и правдой защищать идеалы большого бизнеса. С 1941 г. Макартир был назначен командующим сухопутными силами США на Тихом океане. В феврале 1942 г. Макартир был выдвинут кандидатом в президенты: он должен был оправдать надежды крупнейшей нефтяных и других монополий, банков, транспортных компаний северных и восточных штатов страны, той группы американских монополистов, которые были более заинтересованы в районе Тихого океана и меньшее внимание уделяли Атлантике. Следуя интересам стоящих за его спиной представителей американского капитала, Макартир с марта—апреля 1942 г. начал активно выступать за сосредоточение внимания США на тихоокеанском театре военных действий. После капитуляции Японии Макартир был назначен командующим американскими оккупационными силами в этой стране.

² «The End of the War in the Pacific. Surrender Documents in Facsimile. The National Archives». Washington. 1945, p. 2.

сон восторгался мужеством Макартура, приписывал ему победу на Тихом океане и выражал уверенность в том, что Макартур так же, как и в военный период, выполнит свой «патриотический долг американского генерала» и во время оккупации³.

Мемуары Макартура появились в печати после того, как Япония уже 12 лет обходилась без услуг генерала⁴. За эти годы империализм США всесторонне использовал преимущества старшего партнера по американо-японскому союзу: на территории Японии было создано 17 крупных авиационных и военно-морских баз, более 200 военных объектов (военных городков, складов, узлов связи, полигонов и т. д.). США превратили японские острова в плацдарм для борьбы против национально-освободительного движения в Азии. Агрессивная политика США в этом районе земного шара встречала все большее противодействие в различных странах мира и прежде всего со стороны прогрессивных, патриотических сил Японии. В этой весьма неблагоприятной для США политической ситуации Макартур и решил представить перед современниками и потомками в более выгодном свете американскую политику, свою многогранную деятельность на Дальнем Востоке.

Мемуары Макартура, вышедшие в США, охватывают большой период истории США — со второй половины XIX до 60-х годов XX столетия. Военный, сын военного, воспитанный на традициях экспансионистской политики американского капитализма, он сам признает, что его лучшие годы прошли в сражениях на чужих территориях, вдали от границ США. Макартур — активный участник колонизации Филиппин, он приобретал опыт колониальных, захватнических войн, наблюдая за действиями японской армии в Китае и в горных теснинах Кореи. Первые боевые «кресты славы» Макартур завоевал на полях сражений в Европе, в составе американского экспедиционного корпуса под командованием своего кумира — генерала Шермана — в период первой мировой войны.

Важное место в мемуарах занимают воспоминания Макартура о второй мировой войне. Свою ненависть к Советскому Союзу американский генерал не смог скрыть даже тогда, когда в силу исторически сложившейся обстановки США стали союзником СССР по антигитлеровской коалиции. Эта ненависть двигала Макартуром в его упорном нежелании касаться успехов Советской Армии на советско-германском фронте — главном и решающем фронте второй мировой войны. Этой ненавистью объяснялись и яростные нападки на президента Рузвельта, а также других государственных и военных деятелей США за их внимание и серьезную оценку значения советско-германского фронта, за то, что они выполняли пусть даже незначительную долю взятых обязательств перед СССР и другими членами антигитлеровской коалиции, доставляя транспорты с оружием, боеприпасами, боевой техникой на фронт борьбы против германских армий. Макартур всегда считал фронт на Тихом океане главным фронтом второй мировой войны. Он стремился подчинить себе все виды вооруженных сил США — сухопутные, военно-воздушные и морские силы — и таким образом занять господствующее положение не только в военном, но и в политическом руководстве войной. Генерал неоднократно и недвусмысленно подчеркивал, что объединенные под его командованием вооруженные силы станут опорой «свободного мира» в борьбе против коммунизма. Президент Трумэн и его окружение из

³ «Асахи», 18. I. 1964.

⁴ Японская буржуазная газета «Асахи» начала печатать мемуары Макартура в январе 1964 года. Публикация этих материалов была завершена уже после его смерти. В 1964 г. в «Асахи» были опубликованы три главы: «Оккупация Японии», «Война на Тихом океане», «Война в Корее», — а также заключение «Ветераны не умирают». В том же году мемуары были изданы в США отдельной книгой. Макартур излагал в ней события своей жизни с юношеских лет и вплоть до 1964 года (Douglas MacArthur. Reminiscences. N.Y.—Toronto—L. 1964).

Пентагона, монополии США видели в лице Макартура верного проводника своей политики в Японии и полностью полагались на него.

Воспоминания Макартура об оккупации Японии, несмотря на то, что они хронологически должны были быть опубликованы после главы о войне на Тихом океане, увидели свет на страницах «Асахи» в первую очередь. Перед появлением в печати своих воспоминаний Макартур опубликовал 5 января 1964 г. обращение к японскому народу, в котором он напоминает о том, что он является «спасителем Японии». Он выразил надежду на то, что семена американской демократии и свободы, брошенные им в японскую почву, дадут всходы и явятся основой для японо-американской дружбы. Семена капитализма и милитаризма, брошенные Макартуром, действительно дали всходы. Это военный союз между американскими и японскими монополиями, ставший причиной беспокойства и напряженности в Азии. Японский народ борется против последствий реакционной деятельности Макартура, он полон решимости выкорчевать ядовитые ростки американской реакционной политики, завоевать подлинный мир и свободу. Именно поэтому мы считали целесообразным ознакомить нашего читателя с первой главой воспоминаний Макартура — «Оккупация Японии». В предисловии к мемуарам Макартур напоминает о своем желании освободить «будущее поколение историков» от необходимости ссылаться на его записки как на исторические документы, мемуары или дневники. Это всего лишь, утверждает Макартур, личные наблюдения и выводы. Скромность автора похвальна. Но в данном случае личные суждения Макартура небезынтересны потому, что с его именем связана целая полоса американской дальневосточной политики. Записки отражают те настроения, которые до сих пор бытуют в правящих кругах США среди сторонников наиболее крайних методов и средств во внешней политике, в частности на Дальнем Востоке.

Когда Макартур прибыл в Японию, в США уже знали, что генерал оправдал возложенные на него надежды: на Филиппинах он поставил у власти ярых коллаборационистов во главе с Рохасом; в Индонезию при его содействии перекочевала так называемая «Гражданская администрация» голландских колонизаторов, долгое время находившаяся под покровительством американского командования в Австралии. Однако повсюду в Южной и Юго-Восточной Азии патриотические, антияпонские силы настороженно встречали американские и западноевропейские воинские части. (Более того, США и их союзники использовали для подавления национально-освободительного движения капитулировавшие части японской оккупационной армии.) Автор мемуаров пытается создать впечатление, будто «спас» Японию от разрушений именно он, Макартур, и это было достигнуто лишь благодаря его личной прозорливости, таланту, его умению безошибочно осуществлять оккупационную политику. Стремясь подчеркнуть особую важность возложенной на него задачи, Макартур так описывает в мемуарах свое первое знакомство с Японией: «Я стоял перед развалинами Токио и смотрел на еще не рассеявшийся дым пожаров, меня беспокоила судьба капитулировавшей Японии, я мучительно думал о том, ввергнуть ли эту страну в долговую кабалу, разрушить ли ее традиции, культуру и государственность или подготовить Японию в качестве сильного союзника, благодарного Соединенным Штатам»⁵. Однако политика Макартура, хотел он это признать или не хотел, была предопределена. В основе его политических решений лежали интересы крупнейших монополистических объединений США. В угоду этим интересам рождались различного рода политические авантюры, завязывались сложнейшие международные интриги. На заседаниях штаба Макартура всегда незримо присутствовали американские монополии. Технические эксперты ведущих

⁵ «Асахи», 17. I. 1964.

промышленных объединений США находились в ведении оккупационных властей. Так, начальник Научно-экономической секции (НЭС) штаба Макартура Р. Мэй мог поделиться богатым опытом и использовать свои давние связи с японскими монополистическими кругами: еще в 1926 г. он впервые приехал в Японию в качестве помощника директора отделения «Дженерал Моторз» и долгое время занимал пост директора отделений этой компании в Японии и Китае. Цвет американского бизнеса надел военную форму и пошел служить в штаб Макартура не только ради своего собственного благополучия — американские монополии готовили экономическую базу японо-американского союза.

Глава мемуаров «Оккупация Японии», опубликованная в «Асахи», начинается выдержкой из заявления Трумэна, сделанного им по радио США 7 августа 1945 г.: «Шестнадцать часов назад американский самолет сбросил атомную бомбу над городом Хиросима — важнейшей базой сухопутных войск Японии. Сброшенная бомба обладает мощностью, равной 20 тыс. т тринитротолуола. Нанесенный удар дает нам невиданную в истории мощь... Мы должны полностью сокрушить военную мощь нашего противника Японии». Далее в мемуарах Макартур пишет: «До тех пор, пока атомная бомба не была сброшена над Хиросимой, я не был информирован о ее существовании. Знал лишь, что ведутся работы в этом направлении»⁶. Виднейшие американские буржуазные авторы, в том числе наиболее реакционные, вынуждены были признать, что атомный пепел Хиросимы и Нагасаки оказал самое непосредственное влияние на рост послевоенного движения японского народа против атомного оружия, на усиление пацифистских настроений в японском обществе⁷. В этих условиях Макартур, как и другие его единомышленники, выдвинул и усиленно отстаивал перед японским читателем тезис о том, что Хиросима и Нагасаки были якобы военными объектами. В то же время, убедившись, какой невиданной силы протест вызывает в мире, особенно в среде японского народа, применение атомного оружия, Макартур на страницах японской прессы постарался отмежеваться от решения правительства США сбросить атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Спустя двадцать лет Макартур умышленно забыл те факты, которые стали известны мировому общественному мнению в первые же дни после атомной бомбардировки Японии. Буквально через считанные минуты после заявления Трумэна радио Гонконга передало сообщение английского корреспондента Никольса Блэйка о том, что, «по весьма достоверным данным, в Хиросиме к моменту атомного удара находилось всего два батальона учебных войск Японии» и что Хиросима никогда не была «важнейшей базой сухопутных войск Японии». «Hong-Kong Times», ссылаясь на американские источники, открыто писала тогда, что генералы — советники Трумэна — были хорошо информированы о намерении сбросить атомную бомбу «над какой-либо точкой суши на территории Японии для того, чтобы поставить в известность своих союзников по второй мировой войне о монопольном владении США столь мощным, всесокрушающим оружием. Это была мера устрашения союзников, и в частности России, мера устрашения тех народов, которые почувствовали себя национальной силой»⁸. И об этом Макартуру было, конечно, известно. Генерал Спаатс имел специальное поручение проинформировать Макартура о планах использования атомной бомбы в Японии⁹. В самой Японии прогрессивные авторы уже неоднократно выступали с разоблачением лживости тезиса о необходимости атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. По этому поводу японский историк Кацубэ Хадзимэ

⁶ «Асахи», 6.I.1964; D. MacArthur. Op. cit., pp. 262—263.

⁷ См., например, R. A. Scalapino. The United States and Japan. «The United States and the Far East», 1956, № 9, p. 35.

⁸ «Hong-Kong Times», 8, 11.VIII.1945.

⁹ B. Gardner. The Wasted Hour. The Tragedy of 1945. L. 1963, p. 246.

пишет: «Сброшенная атомная бомба над Японией была первым шагом к войне против СССР. Американские атомные бомбы унесли сотни тысяч жизней моих соотечественников. Это не было необходимостью в стратегии второй мировой войны, это были жертвы уже третьей мировой войны»¹⁰.

Как известно, Советский Союз внес огромный вклад в дело разгрома милитаристской Японии, в дело освобождения народов Северного Китая и Кореи. Американские правящие круги, стремившиеся не допустить участия Советского государства в послевоенном устройстве Японии, всячески принижали значение СССР в войне на Тихом океане. Макартур неоднократно повторял, что США сыграли первостепенную роль в достижении победы на Дальнем Востоке, а СССР — второстепенную. «Поскольку война на Тихом океане велась и выиграна исключительно вооруженными силами США, — писал Макартур, — они же и должны обеспечить завоеванный мир в послевоенное время...» Или: «Вступление СССР в войну против Японии в 1945 г. не вызывалось необходимостью. Когда я узнал, что Советский Союз вступит в войну на том этапе, когда Япония уже стояла перед поражением, я ужаснулся»¹¹. Такие политические установки в первые послевоенные годы были явно инспирированы американской стороной и японской печатью. Штаб Макартура, осуществлявший полный контроль над японской печатью, не прочь был показать, что-де и японское общественное мнение признает в США главного победителя. В 1948 г. в одном из японских изданий со ссылкой на американские источники отмечалось: «После атомного удара на Хиросиму и Нагасаки японское правительство и император Японии пришли к выводу о том, что война бесповоротно проиграна, сопротивление бесполезно»¹². Однако опубликованные в послевоенные годы в США и Японии материалы говорят о том, что американское командование планировало высадку в Японии лишь на 1946 или даже 1947 год¹³. Что касается сопротивления Квантунской армии наступающим советским войскам, то 9 августа 1945 г. в ее штаб поступил приказ Ставки, требовавший «вести упорную оборону и готовить военную операцию большого масштаба». Второй приказ, полученный 10 августа, требовал «действовать согласно предварительному плану»¹⁴. Факты свидетельствуют о том, что Ставка настаивала на оказании упорного сопротивления советским войскам. Как справедливо отмечает Хадзимэ, «не только планирование десантных операций на год (с ноября 1945 по ноябрь 1946 г.), но и самое военная обстановка не сулила США легкой победы. Если бы Советский Союз не участвовал в войне против Японии, не было бы никаких помех для того, чтобы перебросить могучую группировку Квантунской армии из Маньчжурии на острова Японии. Тогда возможность победы в осуществляемых операциях стала бы проблематичной»¹⁵.

¹⁰ См. Кацубэ Хадзимэ. Система оккупации и взаимоотношения между американскими и японскими монополиями. Журнал «Рэкисигаку кэнкю», бэссацу, токусю. Токио, сентябрь 1960, стр. 35.

¹¹ «Асахи», 6, 28.I.1964; D. MacArthur. Op. cit., p. 261.

¹² «Гайжо дзихо», апрель 1948, стр. 9.

¹³ Кацубэ Хадзимэ, ссылаясь на записи в дневнике ближайшего помощника Трумэна Леги (W. Leahy. I was there. Washington. 1950), пишет: «21 июля 1945 г. в Потсдаме военное командование США и Англии согласилось с планом высадки на территории Японии с целью принудить ее вооруженные силы капитулировать — вначале на остров Кюсю 1 ноября 1945 г.; решающее сражение намечалось подготовить после высадки десантов на равнину Канто 15 ноября 1946 г. и заставить вооруженные силы Японии капитулировать» (Кацубэ Хадзимэ. Указ. соч., стр. 34).

¹⁴ «Красная звезда», 2. IX. 1946.

¹⁵ Кацубэ Хадзимэ. Указ. соч., стр. 34. Макартур в своих мемуарах приводит такие данные: «За сентябрь 1945 г. капитулировали 154 пехотные дивизии, 136 отдельных бригад, 20 частей морской пехоты, а всего 6 983 тыс. солдат и офицеров; в том числе на территории Японии 57 дивизий, 14 отдельных бригад, 15 отдельных полков, не считая войска в Маньчжурии, на других островах Тихого океана, близко расположенных к территории Японии». См. «Асахи», 23.I.1964.

Макартур приводит свое обращение к японскому народу в связи с завершением принятия капитуляции (16 октября 1945 г.): «Сегодня в связи с полным окончанием войны и переходом к миру все мы должны осознать, что не было еще подобного примера ни в истории США, ни в истории других стран, когда с такой быстротой решалась бы столь ответственная задача (принятие капитуляции.— Авт.). Я уверен, что столь же успешно будет решена задача утверждения мирного образа жизни. Но для этого необходимо, чтобы японцы с благодарностью воспринимали все достижения демократии в США и других цивилизованных странах мира»¹⁶. Именно в этих целях, как отмечает Макартур, штаб оккупационных войск США в Японии «отбирал японцев и направлял их в США или Великобританию для изучения порядков и идеологии Запада»¹⁷. Значительное место в своих мемуарах Макартур отводит процессу «приобщения» послевоенного японского общества к идеалам «американской демократии». Он пишет о том, что органы печати и радио были строго предупреждены штабом оккупационных войск об ответственности за опубликование выступлений советского делегата в Дальневосточной комиссии. Макартур не скрывает, что ему удалось создать в штабе оккупационных войск обширный контрразведывательный и пропагандистский аппарат, которому была поручена пропаганда американского образа жизни. Многие офицеры императорской армии были привлечены в органы гражданской администрации и полиции (Японская полиция имела хорошее оснащение и подготовку). «Мои действия,— пишет Макартур,— вызвали осуждение со стороны европейской печати. Все настойчивее стали требования, особенно Советского Союза, допустить союзников к участию в разработке и определении задач оккупационной политики». Автор мемуаров вынужден был признать «крайнюю сложность процесса осуществления задач оккупационной политики»¹⁸.

Ультрарапавые элементы в США в значительной мере определяли активную оппозицию американского правительства к вопросам сотрудничества с СССР на Дальнем Востоке, к любым проявлениям реалистической политики в послевоенном внешнеполитическом курсе США. Государственные деятели, сенаторы, высокопоставленные военные внесли свою лепту в развязывание «холодной войны», в разжигание антикоммунизма; в период наиболее острых конфликтов они прибегали к ревизии дипломатии Рузвельта, предостерегали администрацию от повторения «ошибок» покойного президента в дальневосточной политике. По признанию Макартура, решения Московского совещания министров иностранных дел великих держав по проблемам Дальнего Востока (декабрь 1945 г.) были встречены в Вашингтоне с большим неудовлетворением. Силы, игравшие ведущую роль за кулисами деятельности группировки «Азия прежде всего» в американском конгрессе, увидели в Московском совещании удобный для себя повод выступить за активизацию агрессивной политики на Дальнем Востоке. Между тем на этом совещании, как отмечает сам Макартур, было принято решение не проводить единой, односторонней политики в Японии, создать Дальневосточную комиссию и превратить ее в коллективный орган с местом пребывания в Вашингтоне, а также создать Союзный совет из представителей США, Англии, Китая и СССР в качестве контролирующего органа. Однако Макартур полностью игнорировал решения Московского совещания, о которых он якобы даже не был поставлен в известность. Он пишет: «Я не получал никакой информации о ходе Московского совещания и никакого отношения к его работе не имел»¹⁹. Макартур не скупится на клеветни-

¹⁶ «Асахи», 29.I.1964.

¹⁷ «Асахи», 27.I.1964.

¹⁸ «Асахи», 26.I.1964.

¹⁹ «Асахи», 28.I.1964.

ческие выпады и нелепые обвинения в адрес СССР, приписывает советской стороне стремление насадить свои порядки в странах Дальнего Востока; он, например, утверждает, что с самого начала создания Дальневосточной комиссии СССР стремился направить деятельность этого органа в угодном для себя направлении. Макартур не без гордости говорит о своем противодействии предложениям Советского Союза в Дальневосточной комиссии, так как СССР, по словам генерала, стремился «распространить коммунистические беспорядки в Японии». В мемуарах можно прочитать, например, такое утверждение: «Советский Союз, который вышел из войны экономически ослабленным, с низким уровнем жизни народа, стремился низвести и японский народ до подобного уровня жизни» (!?)²⁰.

Как известно, Потсдамская конференция, активным участником которой был Советский Союз, провозгласила: «Навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, кто обманул и ввел в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний»²¹. Усилия СССР сыграли свою роль: великие державы, опираясь на основные положения Каирской и Потсдамской деклараций, сформулировали согласованную политику по урегулированию наиболее острых, вызывавших глубокую тревогу мировой общественности дальневосточных проблем. В соответствии с принятыми в Москве решениями Япония должна была пойти по пути демилитаризации; в будущем намечалось заключить с ней мирный договор, основанный на демократических началах; предполагалось, что созданная в результате совещания Дальневосточная комиссия (в составе СССР, США, Англии, Китая, Франции, Голландии, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Филиппин) будет следить за претворением в жизнь указанных решений. Комиссия была призвана формулировать «политическую линию, принципы и общие основания, в соответствии с которыми может осуществляться выполнение Японией ее обязательств по условиям капитуляции». По настоянию советской стороны решения Дальневосточной комиссии приобретали законную силу лишь тогда, когда за них было подано большинство голосов и совпадали голоса ведущих держав: СССР, США, Китая, Англии. Учреждался также Союзный совет для Японии в целях «консультации с Главнокомандующим и дачи ему советов по вопросам, касающимся осуществления условий капитуляции, оккупации и контроля над Японией...»²². Разумность такого положения не вызвала сомнений, ибо каждый член Совета мог воспользоваться данным ему правом и приостановить действия Главнокомандующего до согласованного решения в Дальневосточной комиссии. СССР использовал эти международные органы в целях содействия скорейшему урегулированию дальневосточных проблем. Все это создало реальные предпосылки для установления прочного мира на Тихом океане, организации демократических, миролюбивых, независимых государств. В результате упорной борьбы Советского Союза за согласованные решения по Дальнему Востоку, широкого размаха национально-освободительного движения в Японии и во всем мире западные державы вынуждены были признать, хотя в большинстве случаев декларативно, необходимость осуществления международных соглашений (японские преступники должны были предстать перед справедливым судом, в Японии предполагалось проведение демократических реформ).

Авторы и вдохновители агрессивных планов на Дальнем Востоке встретили на своем пути серьезные трудности; победа над мировым фашизмом явилась победой сил прогресса над силами реакции и милита-

²⁰ «Асахи», 15.II.1964.

²¹ См. «Сборник документов, связанных с капитуляцией Японии 1943—1946 гг.». М. 1947, стр. 29.

²² «Международные отношения и внешняя политика СССР (1871—1957 гг.)». Сборник документов. М. 1957, стр. 157, 158.

ризма, идеи социализма и мирного развития завоевывали все больше сторонников среди народов мира, в том числе и японского народа. В 1945—1947 гг. США столкнулись в Японии с мощным движением за демократию и мир, за последовательное выполнение требований Потсдамской декларации. В этих условиях американским империалистам пришлось отказаться от открытого провозглашения планов превращения Японии в «антикоммунистический» форпост в Азии. Следует иметь в виду и то важное обстоятельство, что в первые послевоенные годы среди инициаторов дальневосточной политики США преобладала ориентация на Китай как главный антисоветский плацдарм в этом районе. В специальном издании МИД Японии отмечалось, что среди инициаторов американской политики на Дальнем Востоке в первые послевоенные годы определились две группы: «китайская» и «японская». «Китайская» группа, возглавляемая Трумэном, Даллесом, Эйзенхауэром, Форрестолом и др., считала, что конкретную разработку оккупационной политики в отношении Японии следует осуществлять в зависимости от решения главного вопроса — укрепления позиций США в Китае, обеспечения в этой огромной стране победы марионеточного чанкайшистского режима. В этом случае правительство Трумэна следовало традиционной политике США в отношении Китая. В планах американского империализма еще во время войны Китаю отводилась роль не только базы для дальнейшей экспансии в Азию, но и форпоста против Советского Союза. Описывая англо-американское совещание по послевоенным проблемам (март 1943 г.), Г. Гопкинс указывал: «Президент считал, что Китай при любом серьезном политическом столкновении с Россией будет, несомненно, на нашей стороне»²³.

Китайская группа в правительстве США, соглашаясь временно воздержаться от окончательного решения проблемы послевоенного устройства Японии до положительного для американского империализма исхода гражданской войны в Китае, вместе с тем ставила перед Макартуром ближайшую задачу: воспользоваться «шоковым состоянием» Японии и, пока мир не разобрался в ужасных последствиях атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, приучить японский народ к мысли, что, несмотря на участие СССР в войне, США удастся предотвратить коренные преобразования в японском обществе, осуществить такую политику, чтобы «в борьбе между США и СССР за Восточную Азию Япония твердо определила своего союзника»²⁴. Вашингтон сообщал Макартуру: все средства и все внимание США на этом этапе направлены на Китай, где борьба развертывается со все возрастающим напряжением; генералу предписывалось под лозунгами «демократизации» сохранить и укрепить в Японии капиталистический строй, дать монополиям этой страны (дзайбацу) до определенных пределов набирать силы, способные подавить народное движение за подлинную демократию — «давить народное движение национальным, японским прессом». Отстаивая политику воссоздания сильных японских монополий в допустимых пределах, правительство США имело в виду поставить экономику и финансы Японии в определенную (но не колониальную) зависимость от США. «Если в военно-политической области это будет союз равных, то в экономическом и финансовом отношении это должно стать союзом заимодателя и должника»²⁵. Ободряло американских стратегов и то обстоятельство, что видные политические деятели Японии в это время выбирали из двух зол наименьшее; для последних, конечно, была лучше капитуляция перед США, чем народная революция в Японии. Принц Коноэ Фумимаро, как свидетельствуют его записи, сделанные в феврале 1943 г., июне и июле 1944 г. и, наконец, после беседы с Макартуром в сентябре 1945 г.,

²³ Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. II. М. 1958, стр. 390.

²⁴ Фукуи Хидэцугу. Сэнго но хэйва ундо то нихон. Токио. 1959, стр. 817.

²⁵ «Сэнго но мото ни бэйкоку сэйсаку». Вып. VI. Токио. 1959, стр. 86, 89.

говорил, что «японцы больше боялись коммунизма и бунта бедноты, чем капитуляции» перед США. Чем испытать революцию, лучше решиться на капитуляцию»²⁶.

Американский автор Ф. Данн, говоря об эволюции американских взглядов на проблему будущего Японии, также упоминает о различных точках зрения по вопросам дальневосточной политики в США. Он, например, отмечает, что Макартур выступал за скорейшее заключение одностороннего американо-японского договора, против лишения Японии промышленной мощи, против больших размеров репараций и был сторонником аннексии бывших японских мандатных островов, создания на территории Японии сети американских военных и военно-воздушных баз. Военное и военно-морское министерства, наоборот, возражали против скорейшего заключения договора, но активно ратовали за воссоздание японской армии в качестве силы, направленной умелой рукой из-за океана против Советского Союза; большинство военных было склонно использовать Японию и как базу для американских вооруженных сил. Группа планирования политики госдепартамента во главе с Дж. Кеннаном, созданная в апреле 1947 г., выражала сомнение относительно спешки с предоставлением суверенных прав Японии; членов этой группы пугала опасность скорого возрождения национализма и вместе с ним антиамериканского духа, с одной стороны, и усиление демократических сил, в частности, получившей легальные права японской компартии, — с другой²⁷. Конечно, несмотря на некоторые разногласия по дальневосточным вопросам, американские политики сходились в одном: Япония должна стать государством, дружественным к США и противостоящим Советскому Союзу.

Революционные изменения в мире, в странах Азии заставляли представителей монополистического капитала США склоняться к идее использования Японии в глобальных планах американской политики на Тихом океане. До тех пор, пока не были ясны судьбы чанкайшистского режима, судьбы колониальных порядков в большинстве стран бассейна Тихого океана, сторонники использования Японии в качестве «сдерживающей» силы оставались в меньшинстве за столом планирования внешней политики США. Но вот кризис прогнившей власти гоминьдана перестал вызывать какие-либо сомнения у американских политиков; рушились надежды на использование Китая в борьбе против СССР и национально-освободительного движения; народы Индии, Бирмы провозглашили свою независимость. В этих условиях в правительственных кругах США окрепла решимость пересмотреть свою политическую линию в отношении Японии. Кацубэ Хадзимэ справедливо упоминает о подлинных причинах эволюции политики США в Японии. «Когда ставка на Чан Кай-ши и гоминьдановскую клику провалилась, — пишет Кацубэ Хадзимэ, — центр тяжести американской дальневосточной политики был перенесен в Японию»²⁸. Американские планирующие органы были освобождены от обязанности составлять абсолютно новые схемы политики США по отношению к Японии, достаточно было обратиться к идеям Грю, Форрестала и многих других американских государственных деятелей, которые еще в годы войны мечтали сохранить эту страну в качестве передового форпоста капитализма в Азии. В 1947 г. в связи с успешным контрнаступлением национально-освободительной армии Китая и реальной угрозой краха политики США в этом районе в Вашингтоне усилились требования в пользу скорейшего сближения капиталистической Японии с США и форсирования подготовки к заключению «мирного» договора без участия СССР.

²⁶ Кацубэ Хадзимэ. Указ. соч., стр. 37.

²⁷ См. F. S. Dunn. Peace-making and the Settlement with Japan, Princeton, 1963, pp. 55—60.

²⁸ Кацубэ Хадзимэ. Указ. соч., стр. 40.

Начиная с 1947 г. США предприняли серьезные усилия в целях восстановления экономики Японии. Под покровительством американского империализма Япония пошла по пути возрождения монополий и ремилитаризации экономики. Макартур писал: «В течение пяти послевоенных лет я служил делу проведения реформ в Японии, и задуманные мною реформы полностью осуществились». Генерал пытался убедить японское общественное мнение в том, что он прибыл-де в Японию не для «подавления, а для гуманного руководства инициативой самого японского народа»²⁹. Каковы же политические основы и реальные результаты «гуманной деятельности» Макартура, социально-политических реформ американских оккупационных властей?

Под давлением мирового общественного мнения, перед лицом усиливающегося демократического движения народа Японии американская администрация, конечно, была вынуждена пойти или создавать внешнее впечатление о том, что идет на меры демократического характера. «Самая первая проблема, которую я решил,— пишет автор мемуаров,— это реформа в области профсоюзного объединения рабочего класса». С целью проведения этой реформы, продолжает Макартур, он пригласил в Токио американских профсоюзных боссов, чтобы они могли «передать опыт руководства профсоюзами в США». По словам Макартура, к 1947 г. 5 млн. рабочих были объединены в 25 тыс. отраслевых профсоюзов³⁰. Американские оккупационные власти в своей борьбе с демократическим движением японского народа, против массовых выступлений японских трудящихся не только делали ставку на лидеров правого крыла профсоюзов, но и прибегали к прямому административному вмешательству и использованию полицейских сил. Так, 31 января 1946 г. во время выступлений японских текстильщиков, выдвигавших экономические требования, Макартур издал приказ, в котором говорилось: «Я не могу позволить, чтобы текстильщики шли на поводу некоторых руководителей, которые используют опасное социальное оружие для еще большего ослабления Японии»³¹.

В начале 1947 г. Макартур открыто выступил против демократического движения в Японии. К этому времени он уже опирался на завербованных им в полицию (явную и тайную) бывших офицеров и унтер-офицеров императорской армии, на вышедших из укрытия представителей монополистической буржуазии. Штаб оккупационных войск издает один за другим приказы о запрещении политических собраний и митингов, поручает «поддержание порядка» полицейским отрядам и разрешает последним арестовывать или штрафовать наиболее активных деятелей демократического движения, особенно коммунистов. Вместе с тем Макартур изображал себя «противником» японских монополий. В своих мемуарах он писал о «господстве 10 семейств, которым принадлежало 90% всего национального производства». Он утверждал, в частности, что подобного рода крупные тресты стояли на пути «свободного предпринимательства» и что они присваивали подавляющую часть материальных богатств, производимых рабочими и крестьянами Японии³².

Официально штаб Макартура объявил о «ропуске дзайбацу», показывая этим свое стремление осуществить политику «антимонополизации». Это в определенной степени соответствовало намерению монополий США, требовавших устранения крупных японских монополий в качестве конкурентов на рынках Азии. Однако «антимонополизация» в послевоенной Японии представляла весьма сложный процесс. США, конечно, были заинтересованы не в ослаблении, а в усилении японских монополий. «Антимонополизация» явилась, как и ряд других

²⁹ «Асахи», 21.I.1964.

³⁰ «Асахи», 9, 10.II.1964; D. MacArthur. Op. cit., p. 308.

³¹ «Асахи», 10.II.1964.

³² «Асахи», 9.II.1964.

реформ, проведенных американскими властями в Японии, своего рода данью антиимпериалистическим, демократическим настроениям, которые господствовали в мире. С другой стороны, идеи Потсдамской декларации первоначально стремились использовать для оправдания своей деятельности в Японии те круги в США, которые открыто ратовали за превращение этой страны в рынок сбыта промышленной продукции США. «Миссия Пуули»³³ отражала эти тенденции в американской политике на Дальнем Востоке. В «Докладе Пуули» американские эксперты не считали нужным скрывать истинных виновников трагедии войны на Тихом океане, трагедии японского народа: «Японские дзайбацу... в современной истории Японии контролировали не только финансы, промышленность и торговлю, но и правительство. Они являются наиболее мощным военным потенциалом Японии. Именно они позволили Японии осуществить свою агрессию и завоевания... Дзайбацу не только несли ответственность за милитаризм в Японии, как и сами милитаристы, но и извлекали в солидных размерах из него выгоду. Даже сейчас, в период поражения, они фактически усилили свои монопольные позиции... Если дзайбацу не будут разрушены, японцы не будут иметь необходимых возможностей, чтобы управлять собой как свободные люди. Пока дзайбацу будут существовать, Япония будет их Японией»³⁴. «Антимонополистические» мероприятия американской администрации в Японии включили два закона — «о запрещении частных монополий и об обеспечении справедливых и честных сделок» (вступил в силу в июле 1947 г.) и «о ликвидации чрезмерной концентрации экономической мощи» (декабрь 1947 г.). Авторы «антимонопольного» законодательства первоначально предусматривали деконцентрацию 325 главных японских монополистических объединений. Но уже 1 мая 1948 г. было объявлено, что 194 компании из намеренных 325 не подлежат реорганизации. 1 июля стало известно, что число компаний, предназначенных к деконцентрации, вновь уменьшилось и что программа реорганизации не распространяется на банки. В результате 297 компаний из 325 оказались нетронутыми, 11 были разделены на независимые компании и лишь к семи обращена была «просьба» о реорганизации³⁵.

В правящих кругах США понимали: национальная буржуазия Австралии, Новой Зеландии, Филиппин и других стран Юго-Восточной Азии опасается возрождения Японии. Куда пойдет экспорт возрожденной японской промышленности? Этот вопрос, конечно, волновал представителей тех кругов национальной буржуазии, которые из опыта знали о высокой конкурентоспособности японских товаров. Если до 1941 г. районами японской торговли были Маньчжурия, Корея, Северный Китай, Тайвань, на которые падало 50% японского экспорта и импорта³⁶, то после войны положение резко изменилось: необходимы были новые пути, новые рынки. Империализм США, делавший ставку на возрожденную Японию в качестве бастиона против СССР и национально-освободительных революций, принимал активное участие в решении проблемы рынков для послевоенной Японии. В октябре 1948 г. представители американских оккупационных властей в Японии санкционировали поездки за рубеж японских торговых представителей для «особых целей»; американское правительство делало все, чтобы обеспечить японским деловым

³³ Бывший заместитель министра военно-морского флота, видный калифорнийский нефтепромышленник Пуули возглавил американскую миссию по репарациям в Японии (ноябрь 1945 г.). Эта миссия планировала вывоз в США из оккупированной Японии в счет репараций большого количества промышленного оборудования. О «миссии Пуули» см. Б. И. Бухаров. Образование американо-японского военного союза (1945—1952). М. 1963, стр. 45—46.

³⁴ Цит. по: R. N. Rosecrance. Australian Diplomacy and Japan, 1945—1951. L.—N. Y. 1962, pp. 98—99.

³⁵ «Асахи», 5. II. 1964.

³⁶ «Pacific Security». N. Y. 1952, p. 3.

кругам участие в деятельности международных межправительственных объединений³⁷.

Макартур особенно широко расписывает в мемуарах свои заслуги в деле проведения в апреле 1946 г. «демократических выборов» и свою роль в разработке новой конституции и земельной реформы. Земельная реформа — одно из звеньев в общей цепи мероприятий, осуществления которых требовали демократические силы Японии. Сельское хозяйство Японии задыхалось в тисках полуфеодальной системы землевладения, несшей обнищание миллионам японских крестьян. Макартур пишет, что штаб оккупационных войск получил чрезвычайно важное задание — «помочь комиссии, созданной из японцев-специалистов в области сельского хозяйства разработать проект земельной реформы». Картину сельского хозяйства Японии автор мемуаров рисует в мрачных красках: посевные площади больше чем наполовину обрабатываются мелкими арендаторами, выплачивающими арендную плату помещикам, но размеры арендной платы не регулируются никакими законами. Макартур, как и во многих других случаях, ссылаясь на американский опыт фермерского хозяйства как на наиболее приемлемый для «свободного» крестьянского общества. Макартур считал, что нужно осуществить «выкуп земли у помещиков государством, а затем продать ее крестьянам в долг, при условии выплаты этого долга в течение 25 лет». Таким образом, пишет он, «около 5 млн. га пахотной земли переходит во владение арендаторов»³⁸.

Макартур знал, что мелкий арендатор Японии не мог представить правительству никакой гарантии выплаты долга за купленную в рассрочку землю; земля, ставшая фондом государства, могла быть выкуплена лишь зажиточными крестьянами-собственниками или полуарендаторами. Многие миллионы мелких арендаторов имели значительный долг за аренду помещикам и ростовщикам, а по положению землю мог приобрести только крестьянин, не имеющий долга. Одновременно погасить долг и сделать взнос за приобретенную землю было нелегко для многих миллионов крестьян. Макартуру было известно и то, что, согласно официальным банковским отчетам, к 1944 г. японские крестьяне — мелкие арендаторы задолжали 11 827 млн. иен (по ценам 1940 г.). Если бы даже продать «с молотка» все имущество мелких арендаторов, то нельзя было выручить эту сумму. Таким образом, Макартур сознательно делал ставку на то, что зажиточные слои японской деревни останутся в выигрыше от земельной реформы и капитализм в японской деревне будет развиваться быстрее. Что касается помещиков, то они, получив значительные суммы от государства за выкупленную у них землю, станут вкладывать эти капиталы в промышленность и торговлю, приобретут акции крупных предприятий и, конечно, будут дружески относиться к американским властям, позволившим им так выгодно продать землю. Осуществление первых мероприятий земельной реформы началось в 1947 году. В связи с директивой штаба Макартура от 9 декабря 1949 г. японским крестьянам строго предписывалось не искать какого-либо другого выхода, а выкупать арендованную у помещика землю. Макартур пишет: «К 1950 г. Япония, являвшаяся государством безземельных крестьян-арендаторов, превратилась в государство, где 89% крестьян стали собственниками»³⁹. Но, как известно (и это видно из изданных штабом Макартура материалов), к 1950 г. 80% крестьян-полуарендаторов, то есть тех крестьян, которые приарендовывали землю (у них в среднем было от 0,5 до 1,0 га собственной земли), купили дополнительно участки земли, почти в тех же размерах, в которых ими ранее арендовывалось. По тем же данным, более 47,3% мелких

³⁷ R. N. Rosecrance, Op. cit., p. 129.

³⁸ «Асахи», 14.II.1964.

³⁹ Там же.

арендаторов перешли в разряд сельскохозяйственных рабочих, а другая значительная часть этой категории крестьян бросила деревню и устремилась в город в поисках работы. Вполне естественно, что такой результат реформы устраивал капиталистические круги США и их союзников в Японии. По откровенному признанию Макартура, «родившийся новый класс капиталистов-помещиков стал мощным препятствием на пути распространения коммунизма в японской деревне»⁴⁰.

Большое значение американские оккупационные власти придавали государственному устройству Японии. В октябре 1945 г. Макартур поручил барону Сидехара возглавить комиссию по выработке конституции. Рабочую часть комиссии возглавлял профессор Мацумото. Комиссия начала свою работу с того, что члены ее стали собирать предложения по поводу характера будущей конституции. В обсуждении проекта конституции приняли участие печать, радио, все политические партии, в том числе и компартия Японии. В конце января 1946 г. составление проекта было закончено. В проекте конституции оговаривалась лишь духовная, божественная символизация императора и его семьи. Макартур говорил о том, что еще с периода Мейдзи император оказывал непосредственное влияние на государственное устройство, на деятельность правительства, а в новых условиях следовало бы продумать, как обеспечить свободу действий правительства при сохранении императорского дома. Макартур пишет: «Я не собирался вносить никаких поправок в представленный проект за исключением статьи 9-й, которая указывала на то, что Япония не имеет права пользоваться силой оружия для решения внешнеполитических задач, и статьи о праве женщин участвовать наряду с мужчинами в выборах и быть избранными в органы власти». Макартур считал своей «огромной заслугой» приобщение женщин Японии к политической жизни, а выборы в парламент 10 апреля 1946 г. — «своей моделью» демократического переустройства Японии⁴¹.

Во время осуществления новой конституционной реформы обнаружили существенные сдвиги в расстановке политических сил Японии: у руля правления страны вместо буржуазно-помещичьего блока встала японская монополистическая буржуазия, тесно связанная с американскими монополиями. Важным завоеванием демократических сил было утверждение конституцией политических прав народа (свобода слова, организаций и т. д.). 9-я статья конституции провозглашала отказ Японии от войны как средства решения международных споров и лишала японское государство права иметь свои собственные вооруженные силы. Макартур по-своему разъяснял статью 9-ю конституции. Он отмечал в мемуарах, что Япония не будет иметь сухопутные, морские и воздушные силы, тайную полицию, так как «перед ней не встанут проблемы решения внешнеполитических задач, требующих применения вооруженной силы, а ее демократический строй не потребует преследований со стороны политической полиции». Но в то же время он признавал, что ближайшей перспективой Японии являются ее совместные с США «мероприятия против коммунизма». «Было бы безрассудным, — писал Макартур, — оставить японский народ беззащитным перед лицом возможного нападения извне. Поэтому я настоял, чтобы в конституции было оговорено право Японии иметь «войска самообороны» в пределах 10 дивизий». Для их усиления Макартур считал необходимым создание военно-морских и военно-воздушных подразделений и частей. Объясняя свою позицию, Макартур писал: «В случае изменения международного положения народы всех государств имеют право взять в руки оружие для

⁴⁰ Там же. О земельной реформе в Японии см. подробнее В. А. Попов. К вопросу об усилении развития капитализма в японской деревне. «Проблемы современной Японии». М. 1958, стр. 49—73.

⁴¹ «Асахи», 3.II.1964.

самозащиты, японский народ, если он подвергнется нападению, должен также пользоваться правом, насколько позволяют его ресурсы, использовать свои вооруженные силы»⁴². Все оговорки и рекомендации Макартура, по существу, ослабляли значение статьи 9-й конституции, а содержание этих поправок оправдывало стремление реваншистских сил к усилению военного потенциала Японии.

Изданная штабом Макартура 4 января 1946 г. специальная директива, направленная на запрещение деятельности реакционных организаций Японии; казало, принесет определенную пользу в деле демократизации Японии; основываясь на этой директиве, японское правительство обнародовало указ о роспуске ультрареакционных организаций в стране⁴³. Все эти мероприятия сопровождалось внешне демократическими лозунгами (право всех граждан на свободу слова, свободу печати и т. д.) и вначале немало напугали японскую буржуазию⁴⁴. Однако опасения последней оказались преждевременными. Вскоре обнаружилось, что мероприятия Макартура в своей основе антидемократические и обеспечивают, конечно, не только сохранение, но и развитие капиталистических общественных отношений. Штаб Макартура взял в свои руки разработку проектов «демократических реформ», которые бы сохранили и укрепили капитализм, обеспечили социальную базу для военно-политического союза между американскими и японскими монополиями. Одновременно оккупационные власти в широких масштабах осуществляли идеологическое наступление в Японии. За период деятельности правительства социалистов во главе с Хатояма, а затем либерально-демократического правительства во главе с Иосида в Японии широко пропагандировались американские теории и идеологические концепции о так называемом «модернизированном капитализме» и «народном капитализме». Послевоенное оживление японской экономики, уменьшение числа безработных, укрепление в результате земельной реформы экономических позиций «среднего» крестьянства дало повод идеологическим защитникам капитализма усилить пропаганду теории «классового мира» и различного рода иллюзий о благополучии Японии в рамках «свободного мира».

Сотрудники администрации Макартура ничего не делали для осуществления программы демократического переустройства японского общества. Многие военные преступники, в том числе представители монополий и офицерского полицейского корпуса, по-прежнему гуляли на свободе. Как свидетельствуют японские источники, эти «первые шаги» американской односторонней оккупации имели двойную цель: во-первых, сохранить кадры реваншистов в качестве ударной силы против компартии и демократических организаций в стране; во-вторых, внушить японской буржуазии мысль о полной гарантии для ее существования и укрепления позиций господствующего класса в стране. Штаб оккупационных войск при приеме на работу в Токио, на Кюсю, Хоккайдо и в других местах отдавал предпочтение выпускникам бывшей разведывательной школы Накано, агентам тайной полиции и жандармерии. В результате, как грибы после дождя, стали появляться ультранационалистические, реакционные организации. Террористы из антикоммунистических банд «Синэй Тайсюто» («Передовая массовая партия») и «Нихон ханкё рэмэй» («Японская антикоммунистическая лига») не раз совершали нападения на трудящихся. Японская реакция использовала такие организации, как «Кикухата досикай» («Общество знамени хризантемы»), «Дай Нихон докуруцу Сэйнэнтто» («Независимая молодежная партия вели-

⁴² «Асахи», 6.II.1964.

⁴³ «Documents concerning the Allied Occupation and Control of Japan». Vol. 2. Tokyo, 1949, pp. 94—98.

⁴⁴ Усмотрев в первых мероприятиях американской администрации опасность для своего благополучия, японская буржуазия осмеливалась даже в ряде случаев на бойкот приказов Макартура, а в экономической области — на саботаж.

кой Японии»), «Кюоку сэйэн рэммэй» («Молодежная лига спасения родины») и другие, созданные в 1947—1948 годах.

Так Макартур, его ближайшие соратники шли рука об руку с японскими ультра. Идеологическая платформа последних — безудержный антикоммунизм, шовинизм, преданность принципу «симбэй хансо» («дружба с США и вражда с СССР»), — безусловно, импонировала наиболее реакционным группировкам в США, интересы которых выражал и защищал Макартур. Нельзя считать случайным также то, что видный вдохновитель японских ультра Уиллоби стал одним из ведущих руководителей профашистской организации в США — «Общества Джона Бэрча». По заслугам оценили правые и Макаратура. Ультраправая организация «Кикухата досикай» всячески превозносила деятельность Макаратура и доказывала необходимость присутствия в стране американских войск в течение «последующих 30 лет» ради «спасения японской демократии». США не жалели сил и средств на модернизацию японского капитализма на базе своеобразного «плана Маршалла»; в дело практического руководства включились советник в области планирования Додж, советник по финансам Шарп и другие, создавалась основа для «экономического сотрудничества между Японией и США»⁴⁵. До сих пор японский народ должен расплачиваться за экономическую «помощь», оказанную США в первые послевоенные годы. 10 июня 1961 г. министр иностранных дел Японии Косака и посол США в Японии Рейшауэр поставили свои подписи под обязательствами об уплате Японией Соединенным Штатам государственного долга за поставки в первые послевоенные годы по фондам ГАРИОА и ЭРОА⁴⁶. Из этих фондов Япония получила «помощь» (в млн. долл.) с сентября 1945 г. по декабрь 1946 г. — 193, в 1947 г. — 404, в 1948 г. — 461, в 1949 г. — 535, в 1950 г. — 361, в 1951 г. — 180. Всего же — более 2 млрд. долл.⁴⁷.

Признание возрастающей роли Японии как союзника США в борьбе с силами социализма и национально-освободительных революций обусловило не только новые экономические и социально-политические мероприятия в оккупированной стране, но и серию военных мероприятий американской армии в этом районе. США разместили во многих гарнизонах Японии свои войска, авиацию, в военно-морские базы у берегов страны заходили и базировались корабли 7-го американского флота. С тех пор военные власти США начали усиленными темпами реконструировать японские аэродромы, военно-морские базы и портовые сооружения.

Макартур понимал, что все его «реформы» рано или поздно вызовут сопротивление рабочего класса и трудового крестьянства Японии, что рано или поздно придется перейти к политике подавления; он позаботился, чтобы на этот случай были наготове полицейские штыки. По замыслу Макаратура, полиция должна была быть поручена борьба против шпионов, против элементов, имевших целью «подрыв государственного строя», и т. д. Макартур исподволь уже в те годы готовил условия для восстановления японской армии. В соответствии с директивой американских оккупационных властей бывшие старшие и младшие офицеры армии и флота получали преимущества для службы в полиции. Как известно, в начале войны в Корее (1950 г.) в Японии был сформирован, вооружен и снабжен новой военной техникой 75-тысячный полицейский корпус, ставший основой будущей армии Японии. В период трехлетней военной авантюры в Корее Япония обеспечила тылы: с военных

⁴⁵ «Асахи», 15.II.1964.

⁴⁶ ГАРИОА — правительственные ассигнования на экономическое восстановление оккупированных территорий; ЭРОА — фонд экономического восстановления оккупированных территорий.

⁴⁷ См. А. И. Стадниченко. Японо-американские экономические отношения. «Современная Япония». М. 1964, стр. 169.

баз, расположенных на японской территории, поднимались американские самолеты, бомбившие мирные города Кореи. Внешнеполитические агрессивные акции американского империализма сопровождались оживлением реакции в самой Японии. Созданная и вооруженная с помощью и с благословения Макартура в мае 1952 г. полиция обрушилась на первомайскую демонстрацию, была пролита кровь японских трудящихся.

Подписанный 8 сентября 1951 г. Сан-Францисский сепаратный «мирный договор» полностью противоречил интересам японского народа; он не предусматривал никаких гарантий против восстановления японского милитаризма, Япония получала право заключать агрессивные союзы; договор грубо нарушал права воевавших с Японией государств, не присоединившихся к договору. Штаб Макартура немало поработал, чтобы создать социально-экономическую основу японо-американского союза, направленного против сил мира и демократии на Дальнем Востоке. Рейшауэр по достоинству оценил деятельность генерала: он пришел, например, к глубокомысленному выводу о том, что имя Макартура «будет стоять среди великих имен японской истории». Более того, Рейшауэр называет покойного генерала «символом совершенства», «рыцарем в сияющих доспехах»⁴⁸. Американские политические деятели в военных мундирах или без них, буржуазные ученые, стоящие за спиной генералов, не могут или не хотят понять, что главная роль в истории Японии принадлежит японскому народу. Он активно борется за мир, против американской политики военных авантюр, за удаление американских войск с территории Японии, за ликвидацию военных баз США, за демилитаризацию и возвращение оккупированного войсками США острова Окинавы. Трудящиеся Японии — мощная сила в едином фронте борьбы против колониализма, против империалистического разбоя США в Азии.

⁴⁸ E. O. Reischauer. The United States and Japan. Cambridge. 1965, pp. 224—225.